

Роман Бродавко

Дар музыкального общения

Это имя неизменно привлекало внимание любителей музыки. Люди старшего поколения, которые помнили его отца, прекрасного композитора и пианиста Лазаря Саксонского, неизменно говорили, что Владимир Саксонский – достойный его наследник. Молодые слушатели, попадая на концерты Владимира Лазаревича, погружались в поэтический мир его исполнительского искусства, открывая для себя бескрайние горизонты классики и жемчужины современной музыки. Он обладал бесценным даром музыкального общения, выстраивая интереснейший диалог с публикой, которая воспринимала его игру и разумом, и сердцем.

Довоенное детство и отрочество Владимира – годы постижения секретов игры на фортепиано. И здесь главным и незаменимым авторитетом для него был отец – профессионал высочайшего уровня, музыкант, бесконечно требовательный к себе и к другим, высокий эрудит и блистательный практик. Музыкальный редактор Радиосовета, автор популярных в свое время симфонических и камерных произведений, один из лучших концертмейстеров страны (и это не преувеличение!), Лазарь Яковлевич всегда находился в гуще музыкальной жизни, был связан творчески и дружески со многими выдающимися исполнителями. Во многом благодаря среде, в которой рос Владимир, критерии концертного исполнительства были им осознаны уже в самом раннем возрасте. Но, как говорил он сам, в школьные годы его успехи были весьма скромными. К тому же, когда ему еще не исполнилось и двенадцати лет, началась война. Саксонские эвакуировались в Алма-Ату. Когда был в эвакуации более-менее налажился, мальчик возобновил занятия музыкой.

После окончания войны семья вернулась в Одессу. Владимир поступил в консерваторию, но особого рвения в занятиях не проявлял. Все резко изменилось с приходом в консерваторию в качестве преподавателя Людмилы Наумовны Гинзбург, которая вернулась в родной город после окончания московской аспирантуры по классу Генриха Нейгауза. Как это часто бывает, новому молодому преподавателю передали самых неперспективных учеников, среди которых числился и В. Саксонский.

– Буквально за считанные месяцы Людмила Наумовна в корне изменила мое отношение к учебе, – вспоминал Владимир Лазаревич. – Я приходил на ее уроки как на праздник. Я не мог себе позволить хоть чем-то огорчить ее, и поэтому занимался много и увлеченно. Мне трудно сформулировать принципы, на которых строилась ее педагогика, но это всегда было художественное творчество, без которого не бывает искусства.

Духовная связь Владимира Лазаревича с Л.Н. Гинзбург не прерывалась многие годы, вплоть до ухода выдающегося Педагога из жизни. Уже давно поседевший, он навсегда оставался для нее Вовой, а она для него – Наставником.

С начала пятидесятых годов Владимир Саксонский – солист Одесской филармонии. Здесь он прослужил свыше шестидесяти лет. Его репертуар был огромен. Концерты с оркестром, сольные программы, выступления в составе инструментальных ансамблей, программы с вокалистами... Каждый выход к публике был для него серьезным творческим испытанием – независимо от того, происходило ли это в большом филармоническом зале или скромном дворце культуры.

Саксонскому всегда было присуще глубокое понимание стиля. И как у подлинного мастера, был свой, индивидуальный взгляд

на исполняемые сочинения. У него был «свой» Бах, «свой» Рахманинов, «свой» Шопен... Отношение даже к любимым, давно исполняемым произведениям с годами изменялось. Это естественно, потому что каждое время диктует свое понимание содержания, свои темпы, свои трактовки. Наряду с классикой Саксонский с удовольствием играл Шостаковича и Хачатуряна, Косенко и Данькевича, Прокофьева и Шамо...

Одним из любимых композиторов Владимира Лазаревича был Гершвин. Как правило, его сочинения звучали на бис в сольных концертах и пользовались особым успехом у публики.

– У хорошей музыки нет возраста, – говорил пианист и доказывал это своей многолетней исполнительской практикой.

У Владимира Лазаревича был небольшой круг людей, мнение которых было для него особенно важным. В первую очередь, это были отец и жена, в прошлом тоже известный музыкант. Помню, как в середине 80-х годов В.Л. Саксонский, уже далеко не молодой человек, исполнял с оркестром «Голубую рапсодию» Гершвина. Я сидел в зале рядом с Лазарем Яковлевичем и украдкой наблюдал за его реакцией. Он слушал, невозмутимо глядя на сцену, и лишь изредка его щеки подрагивали... После концерта – безусловно, удачного – многие из слушателей спустились к гримуборной, чтобы поблагодарить пианиста за его мастерство. Он же стоял в напряжении, ожидая отца. Наконец Лазарь Яковлевич подошел к сыну и едва заметно кивнул. По-видимому, это было выражением позитивной оценки, после чего Владимир Лазаревич стал улыбаться и раскрепощено общаться со знакомыми.

В. Саксонский как исполнитель всегда был в хорошей творческой форме. Это объясняется не только природной одаренностью, великолепным образованием и огромным творческим опытом. Владимир Лазаревич был неутомимым тружеником. Ежедневно ранним утром в любую погоду, иногда затемно, он приходил в филармонию, чтобы там в полной тишине несколько часов позаниматься. В девять утра, когда сотрудники приходили на работу, он отправлялся домой, завтракать. А к двенадцати возвращался – на репетицию с другими солистами или на выезд на дневной концерт, которых в филармонии еще недавно было много.

Саксонский был на редкость творчески активным музыкантом. В начале 80-х он придумал оригинальную форму литературно-музыкального спектакля, в котором участвуют два исполнителя: пианист и артист-чтец. Эти спектакли носили ярко выраженный просветительский характер, и главным действующим лицом в них была музыка.

Название первого спектакля «Доверено музыке» (он был посвящен Шопену) определило направленность всего цикла. Вслед за шопеновским появились «Тетради Каролины», спектакль о Ференце Листе, затем «Семь струн» – музыкально-литературный спектакль, посвященный Лесе Украинке, великому национальному поэту, прекрасной пианистке и большому знатоку музыки. Эти три работы были сделаны Владимиром Саксонским с чтицей Ларисой Хонич, а режиссером-постановщиком была Зинаида Дьяконова. Спектакли с неизменным успехом исполнялись не только в Одессе, но и на гастролях во многих городах Украины. А кроме того, были еще две композиции для детей на музыку П. Чайковского – «Зимняя сказка» («Щелкунчик») и «Добрая фея надежды» («Спящая красавица»). Они до сих пор сохраняются в репертуаре филармонии – правда, исполняются они уже другими артистами.

В программах музыкального лектория Владимир Лазаревич выступал не только как солист, но и как концертмейстер. Для всех без исключения инструменталистов и вокалистов работать с ним было не просто интересно. Для них это было школой, в которой можно было многому научиться. Залогом этому был тонкий вкус, высокий профессионализм и неизменная доброжелательность Саксонского, который любил творческую молодежь и стремился помогать ей. А главное: каждый из солистов был уверен, что в ансамбле с Владимиром Лазаревичем он сможет максимально раскрыться как исполнитель.

Творческая активность Саксонского, казалось, не знала границ. На его концерты писали восторженные рецензии. Его воспринимали как равного именитые гастролеры. Его любила публика. Но звание заслуженного артиста он получил на закате карьеры, уже в годы независимой Украины. При советской власти с ее особым вниманием к «пятой графе» подлинными заслуги

не брались в расчет. Почетного звания так и не удостоился его отец, вклад которого в отечественную культуру был весьма существенным... Отрадно одно: творческое имя этих музыкантов было намного значительнее и весомее любого почетного звания. А публика, как известно, идет не на звание, а на имя.

Ежегодно В. Саксонский представлял в зале филармонии новую сольную программу. Он тщательно обдумывал ее концепцию, скрупулезно отбирал произведения. Я имел честь принимать участие в его концертах в качестве музыкального комментатора. Премьеры, как правило, планировались на октябрь – на открытие концертного сезона. Но обсуждать их содержание Владимир Лазаревич начинал еще зимой. Он обладал безошибочным пониманием того, как и в какой последовательности выстраивать концертную программу, чтобы она воспринималась слушателями с неослабевающим интересом. Обладая огромным творческим опытом, он всегда был готов прислушаться к мнению других.

Перед выходом в филармонический зал Владимир Лазаревич проводил допремьерную «обкатку» новой программы в учебных заведениях и клубах: ему важной была не только реакция публики, но и собственные ощущения от концертного исполнения.

Перед началом очередного октябрьского концерта Саксонский был весь в себе. Это состояние нельзя назвать волнением – это полная внутренняя сосредоточенность перед выходом к слушателю.

– Там есть кто-то? – стоя за кулисами, спрашивал он и указывал рукой на зал, и мне доставляло большое удовольствие сообщать ему, что в зале много людей, и все они в радостном предвкушении концерта. Не секрет, что у Владимира Саксонского была «своя» публика, численность которой с годами не уменьшалась. На смену одним слушателям приходили другие.

– Ира поднялась? – это касалось его супруги, которая всегда сидела в 14-м ряду у двери. Ее мнением он особенно дорожил.

Следующая реплика была такова:

– Ромуля, может, сократимся на несколько произведений, а то ведь слушать не будут...

– Вы сами решите по ходу концерта, – произносил я, заранее зная, что ничего этого не будет.

И вот выход Саксонского на сцену. Легкий поклон – и первое произведение. С первых минут слушатели погружаются в стихию высоких мыслей и глубоких чувств. Пианист покоряет их своим мастерством, своей исполнительской свободой – и одновременно заряжается от их эмоционального восприятия музыки. Это то, чего он всегда ожидает от зала. Его взгляд теплеет. Его музыкальный монолог услышан, он интересен, он нужен...

Естественно, ни о каком сокращении программы уже речь не идет. Наоборот, второе отделение завершается тремя виртуозными бисами, которые принимаются на ура.

После концерта он был уже другим. Волнение оставалось позади. Чувствовалось внутреннее удовлетворение сделанным, но при этом ему как настоящему художнику важно было, что скажут о его исполнении сведущие люди, какие замечания сделают. Саксонский никогда не обольщался своим успехом у слушателей.

Переступив порог пятидесятилетия, Владимир Лазаревич внешне не менялся. Всегда поджарый, подвижный, живо интересующийся всем, что происходит в искусстве, он вызывал искреннее уважение ясностью взгляда на происходящее, добрым юмором и неиссякаемой творческой энергией. Таким он пришел к своему восьмидесятилетию. Казалось, что он никогда не постареет...

Увы, после ухода жены годы стали брать свое. Силы медленно покидали его. Участвуя в редких концертах, Владимир Лазаревич стал уставать. Но сдаваться не хотел. Музыка по-прежнему оставалась главным делом его жизни.

Он шагнул в вечность летом 2015 года в возрасте 85-ти.

Провожая в последний путь дорогих нам людей, мы неизменно говорим, что будем хранить память о них. Но память – субстанция хрупкая. Кто по прошествии лет, когда уйдет нынешнее поколение, вспомнит о Саксонских? Разве что добросовестные историки.

Впрочем, есть способ сохранить эти имена для потомков. Почему бы не назвать одну из многих безымянных музыкальных школ именем Саксонских и тем самым сохранить его на долгие годы? Да и подчеркнуть этим, что Одесса как город больших музыкальных традиций помнит о тех, кто успешно творчески развивал их.